

*Представлен обзор и показаны особенности преступных деяний против прав семейственных, предусмотренных в Уголовном уложении 1903 г. Предложена классификация данных деяний. Отмечены концептуальные отличия западноевропейских и российских подходов к определению деликтов в сфере семейных отношений в XVIII–XIX вв. Сделан вывод о значительном сужении круга преступных деяний, определенных в Уголовном уложении 1903 г., по сравнению с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных в редакции, действовавшей во время принятия Уголовного уложения. Показаны и систематизированы непосредственные причины такого сужения. Раскрыт общий объект преступного посягательства в представлении разработчиков Уголовного уложения и родовой объект при посягательствах на семейственные права. Обоснован вывод о том, что при рассматриваемых посягательствах религиозно-нравственные начала в отдельных случаях выступали как дополнительный объект защиты в Уголовном уложении и во многих случаях являлись таким объектом в предшествующем Уложении. Кроме того, указано, что в Уголовном уложении стерлись различия ответственности православных и инославных, сгладились различия ответственности христиан и лиц иной веры.*

*Ключевые слова:* брак; дополнительный объект преступного посягательства; Уголовное уложение; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; общий объект преступного посягательства; права детей; права родителей; права супругов; преступные деяния против прав семейственных; религиозно-нравственные начала; родовой объект преступного посягательства; семья.

**Скобликов Петр Александрович**, д-р юрид. наук,  
ведущий научный сотрудник сектора уголовного права,  
уголовного процесса и криминологии,  
ФГБУН «Институт государства и права РАН», Москва, Россия;  
[skoblikov@list.ru](mailto:skoblikov@list.ru)

## **ОХРАНА ПРАВ СЕМЕЙСТВЕННЫХ В УГОЛОВНОМ УЛОЖЕНИИ И УЛОЖЕНИИ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАПРЕТОВ**

### **Уголовное уложение 1903 г. – выдающийся памятник отечественного права**

В 2023 году исполнилось 120 лет с момента принятия в окончательной редакции Уголовного уложения<sup>1</sup>. Это последний по времени принятия фундаментальный законодательный акт Российской империи в области материального уголовного права. Работа над проектом Уложения длилась более 20 лет. Формально она началась 22 сентября 1881 г., когда было из-

---

<sup>1</sup> Проект утвержден 22 марта 1903 г. Николаем II.

дано повеление императора Александра II – образовать Комитет для составления проекта нового Уголовного уложения [4, с. 4]. Вместе с тем основополагающее решение о разработке проекта нового Уложения, призванного заменить действовавшее тогда Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, было принято императором еще в декабре 1879 г., когда было сделано поручение составить план работ по пересмотру уголовного законодательства [6, с. 248]. На этапе предварительной работы были выполнены переводы на русский язык ряда европейских уголовных кодексов, а также проектов таких кодексов, которые обсуждались или рассматривались, собраны и сведены воедино замечания чинов судебного ведомства на недостатки действующего российского законодательства, подготовлены извлечения из отечественной и зарубежной литературы по уголовному праву. Все это издано министерством юстиции как «Материалы для нашего уголовного законодательства» [9, с. 56]. Пожалуй, никогда прежде в нашей стране (да и в последующие годы), проект кодифицированного законодательного акта не разрабатывался столь обстоятельно, не выверялся так тщательно.

В результате состоялся кодекс, находившийся в технико-юридическом отношении на уровне лучших зарубежных уголовных кодексов, получивший высокую оценку многих отечественных ученых и практиков, а также зарубежных криминалистов. Однако значимость осуществленной законотворческой работы этим отнюдь не исчерпывается.

В составе упомянутого выше Комитета была создана Редакционная комиссия, в состав которой вошли ведущие российские ученые. Комиссия к маю 1895 г. разработала проект Уголовного уложения и 8 томов объяснительной записки к нему. Было организовано беспрецедентное обсуждение проекта, к нему были приглашены университеты, юридические общества, подразделения и службы, имеющие непосредственное отношение к уголовному процессу, запрошены мнения ведущих зарубежных ученых; для этого проект был переведен на французский и немецкий языки [9, с. 57]. Высказанные в ходе столь широкого обсуждения соображения и доводы были учтены при доработке проекта и, что весьма важно, опубликованы вместе с объяснениями Редакционной комиссии. Также опубликованы дебаты по проекту, состоявшиеся на последующих стадиях прохождения проекта Уголовного уложения (в Министерстве юстиции, Государственном совете). Высказанные по проекту точки зрения, предложения, доводы и контрдоводы имеют не только историческую, но также теоретическую и практическую ценности. Они позволяют увидеть более точную и полную тематическую картину, проследить диалектику правовых феноменов и лучше осмыслить ту или иную обострившуюся проблему.

Третье десятилетие XXI века характеризуется тектоническими сдвигами во взглядах и представлениях о семье и браке, лежащем в основе традиционной семьи, правах и обязанностях родителей и детей по отношению друг к другу, способах и содержании воспитания и образования несовершеннолетних, границах их свободы и приоритетных направлениях развития, тех ценностях и нравственных ориентирах, которые должны прививаться в семьях, а также в рамках школьного и дошкольного образования. В связи с этим видится своевременным обращение к теме того, как

в Уголовном уложении 1903 г. регламентировались вопросы ответственности за преступления против семейственных прав, чем обусловлены занятые позиции разработчиков проекта и других субъектов, вовлеченных в законотворческий процесс. Чтобы обнаружить новизну произведенных изменений, правильно понять и оценить их, а также констатировать неизменность ряда позиций законодателя, следует также обратиться к законодательству, действовавшему в период разработки проекта.

### **Обзор и особенности преступных деяний против прав семейственных, предусмотренных в Уголовном уложении 1903 г.**

В Уголовное уложение 1903 г. (далее – Уложение 1903 г.) включена глава 19, которая предусматривает ответственность за *преступные деяния против прав семейственных*. Глава по случайному совпадению охватывает также 19 статей, которые пронумерованы, но названий не имеют и не группируются в параграфы либо иные подразделения. Наряду с этим, количество конкретных составов преступных деяний, предусмотренных в главе, как это обычно бывает в кодифицированных уголовно-правых актах, превышает количество статей. Если исходить из современных представлений о составе преступления и стремиться показать все разновидности преступных деяний, то можно выделить в рассматриваемой главе следующее:

- принуждение одним из брачующихся другого брачующегося к вступлению в брак (ч. 1 ст. 408);
- принуждение третьим лицом одного брачующегося или обоих к вступлению в брак (ч. 2 ст. 408);
- вступление в брак с лицом, которое заведомо не могло понимать свойства и значение своих действий или руководить своими поступками (ст. 409);
- вступление в брак посредством обмана жениха или невесты (ст. 410);
- заведомое вступление в кровосмесительный брак (ст. 411);
- вступление в новый брак при существовании прежнего супруга в отсутствие разрешения, предусмотренного законом на такой брак (ст. 412);
- заведомое участие духовного лица христианского вероисповедания в совершении преступного брака (ст. 413);
- вступление в брак лица, достигшего брачного совершеннолетия, с лицом, такого совершеннолетия не достигшего (ст. 414);
- вступление лица христианского вероисповедания с заведомо нехристианином (ст. 415);
- вступление в брак с родственником, степень родства с которым не считается кровосмесительством, но делает брак недействительным (ст. 416);
- увоз незамужней для вступления в брак с ее согласия, но без согласия ее родителей, при условии, что эта женщина достигла брачного совершеннолетия, но при этом моложе двадцати одного года (ст. 417);
- супружеская измена (ст. 418);
- прелюбодеяние с лицом, заведомо для виновного состоящим в браке (ст. 418);

- отказ доставлять пропитание и содержание своим, заведомо в том нуждающимся, родителям, если виновный имел для этого средства (п. 1 ст. 419);
- упорное неповиновение родительской власти (п. 2 ст. 419);
- грубое обращение с матерью или законным отцом (п. 2 ст. 419)<sup>2</sup>;
- вступление в брак вопреки решительному воспрещению матери или законного отца, если виновный не достиг двадцати одного года (п. 3 ст. 419);
- жестокое обращение с несовершеннолетним со стороны опекуна, попечителя или лица, имеющего надзор за несовершеннолетним (п. 1 ст. 420);
- обращение к нищенству или иному безнравственному занятию, либо отдача для этой цели подопечного, не достигшего возраста семнадцати лет, совершенное опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним (п. 2 ст. 420);
- принуждение к вступлению в брак подопечного, не достигшего возраста двадцати одного года, совершенное опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним, при условии, если брак состоялся (п. 3 ст. 420);
- отдача на промышленное предприятие для трудоустройства малолетнего, не достигшего установленного возраста, осуществленная опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за малолетним (ст. 421);
- принуждение со стороны опекуна или попечителя к браку с ним лица, не достигшего возраста двадцати одного года, путем злоупотребления своей властью, если брак последовал (ст. 422);
- оставление без надлежащего надзора малолетнего или иного лица, если вследствие этого поднадзорный совершил преступление (ст. 423);
- незаявление о чьем-либо рождении или смерти уполномоченному лицу, ведущему метрические книги или записи об этом, в случае, когда виновный был обязан сделать заявление (ст. 424);
- невнесение сведений о рождении, смерти или бракосочетании в метрические книги или записи лицом, духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным их вести (ст. 425);
- невнесение по небрежности в метрические книги или записей о рождении, смерти или бракосочетании надлежащих сведений духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 1 ст. 426);
- внесение по небрежности в метрические книги или записей о рождении, смерти или бракосочетании неверных сведений духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 2 ст. 426);
- неисполнение установленных законом или обязательным постановлением правил о порядке ведения или хранения метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании, а равно о предоставлении их в места, установленные законодательством, если деяние совершено духовным лицом неправославного вероисповедания или служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 3 ст. 426).

---

<sup>2</sup> Ответственность за это деяние, как и за указанное выше, закреплена в одном и том же пункте ст. 419. Это можно объяснить недостатком юридической техники, которому в период разработки проекта Уложения 1903 г. его разработчики не придавали значения, отдавая предпочтение лаконичности закона.

Обращает на себя внимание то, что рассматриваемая глава не закрепляет какие-либо квалифицированные составы преступлений. Напротив, в одну из статей главы (ст. 415) включена вторая часть, описывающая основание для освобождения от наказания за предусмотренное в статье деяние (возникновение обстоятельства, нивелирующего возможный вред от преступления определенного вида). Слово «примечание» в этом месте законодательного текста отсутствует, и формально данный фрагмент является частью статьи, однако по содержанию и сути («виновный освобождается от наказания, если вступивший с ним в брак нехристианин во время существования брака принял христианство») – это примечание, то есть некое пояснение, дополнение к основному тексту статьи закона, если пользоваться терминологией современного уголовного законодательства.

Всего в Уложении 1903 г. насчитывается две такие конструкции: уже упомянутая ч. 2 ст. 415 и ч. 3 ст. 367 (в последней предусмотрено освобождение от уголовной ответственности рабочих, принявших участие в стачке, если они по требованию властей или заведующего предприятием приступили к работе). Современный российский Уголовный кодекс под флагом либерализации и гуманизации уголовной ответственности регулярно дополняется все новыми примечаниями к статьям Особенной части, регламентирующими условия освобождения от ответственности (наказания). Этот инструментарий получил настолько широкое распространение (на начало 2024 г. в Особенной части УК РФ насчитывалось более 40 статей, имеющих соответствующие примечания), что появились специальные исследования, где делается попытка прояснить юридическую природу таких примечаний и разобраться с проблемами, возникающими при их применении [8].

С учетом общих положений, сформулированных в ст. 3 гл. 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще» Уложения 1903 г., лишь два предусмотренных в 19 главе преступления (ч. 1 и 2 ст. 408) относятся к категории тяжких (поскольку виновному грозит каторга), при этом пятнадцать деяний относятся к категории проступков ст.ст. 414 – 419, 421, 423, 424, 426 (в качестве наиболее строгого – «высшего» – наказания за их совершение предусмотрен арест или денежная пеня), ну и остальные следует причислить к категории преступлений (рядовых, заурядных). Самое распространенное наказание в гл. 19 – арест, который по свойству мягкости уступает лишь денежной пене (ст. 2 Уложения 1903 г.); он предусмотрен в семи статьях главы и мог быть назначен на срок до шести месяцев (ст. 21 Уложения 1903 г.).

Юридические конструкции и приемы, использованные при создании гл. 19, выглядят вполне современно, если заменить некоторые устаревшие или ушедшие из юридического лексикона слова на более привычные (например, заменить местоимение «оныя» на «них», «сему» на «этому» и т.д.). Причем текст написан доступным и, как правило, не допускающим разночтений языком. В то же время юридическая техника данной главы не безупречна. В одних случаях законодатель делит статьи на пронумерованные части (ст. 408), в других – статья не имеет частей, но распадется на пронумерованные пункты (ст. 419, 420 и 426), либо имеет части и при этом одна из них делится на пункты (ст. 413)<sup>3</sup>.

---

<sup>3</sup> Справедливости ради отметим, что такие недостатки наблюдаются и в современных российских кодексах.

### Концептуальные отличия западноевропейских и российских подходов к определению деликтов в сфере семейных отношений в XVIII–XIX вв.

Чем руководствовались разработчики Уложения 1903 г. при создании его 19 главы? Для ответа на этот вопрос целесообразно обратиться к опубликованным объяснениям. Комментарий Редакционной комиссии относительно главы проекта, предусматривающей ответственность за преступления против прав семейственных, предваряется изложением результатов сравнительно-правового анализа, фактически, – теоретического исследования промежуточного вида, произведенного на уровне нескольких правовых систем (если воспользоваться современными классификациями подобных исследований) [16]. В этом исследовании сопоставляются в их историческом развитии западноевропейские и отечественные уголовно-правовые институты, предусматривающие ответственность за деликты в области семейных отношений [15, с. 152 – 157].

Имеет смысл показать основные тезисы данного исследования, поскольку они позволяют сделать вывод о том, что *российское уголовное законодательство XVIII и XIX веков в рассматриваемой части принципиально отличалось от западноевропейского, здесь проявилась его оригинальность и основательность*. При этом разработчики Уложения 1903 г. намеревались сохранить существующий вектор развития.

Исходная точка, аксиома сравнительного анализа: *семья есть необходимое условие общежития, первичная и прочнейшая основа государства. Ограждение (охрана) ее вызывается интересами не только отдельных частных лиц, ее членов, но и общими интересами всего государства*. Сознание этой мысли было чуждо древнему праву. Переход от частного взгляда на эти посягательства сделан каноническим правом. (Современные исследователи вкладывают в этот термин широкое содержание, понимая каноническое право как разновидность социальных норм, установленных различными вероисповеданиями и имеющих ту или иную веру [7]. В объяснениях Редакционной комиссии, по всей видимости, имеются в виду лишь нормы римско-католической церкви. Либо, что менее вероятно, но возможно – нормы христианской церкви до ее разделения на православную и католическую.)

Введя в брак религиозное таинство, каноническое право расширяет по делам брачным и семейным духовную юрисдикцию, ограничившую дисциплинарную власть отца семейства и послужившую переходной ступенью от нее к режиму государственных судов. Однако и в каноническом праве постановления о посягательствах против союза семейного не объединились, и в основании многих из них лежат римские конструкции.

Явление это продолжалось на западе почти вплоть до появления Уголовного кодекса Франции 1810 г. (продолжал действовать в период подготовки объяснений Редакционной комиссии), который коренным образом изменил взгляд на брак, охраняя его как важный гражданский договор и как одно из условий гражданского состояния личности (*фран.* – *état civil*). Западноевропейское право почти всецело ограничивает посягательства против союза семейного двумя понятиями: *первое* – имеющее в основании

римское *supposition partus* (подмена ребенка), некоторыми кодексами применяется исключительно к детям, но в других получило уже более общее значение непереходящего в подлог, а иногда совпадающего с ним, сокрытия или изменения гражданского состояния личности; *второе* – дополняющее наказуемую область обмана и охватывающее вступление в брак посредством умолчания о существенном к браку препятствии или посредством обмана об обстоятельствах, ввиду которых брак может быть расторгнут; причем во всех западноевропейских законодательствах обуславливалась наказуемость последнего деяния расторжением брака по жалобе потерпевшего (если излагать в терминах современного российского законодательства, такие преступления преследовались в порядке частного обвинения). Прочие посягательства против семейного союза трактуются как особые деликты (прелюбодеяние, многобрачие, кровосмесительные браки) в других отделах уголовных кодексов, в качестве основного объекта посягательства у них выступают иные блага. Или же они охватываются общими и весьма широкими определениями о насильственных действиях и подлогах<sup>4</sup>.

Иными путями складывалась система русского законодательства по этому предмету, указывала Редакционная комиссия. В основание его легло не римское понятие *supposition partus*, исходившее из частного интереса отдельной личности, а *более широкая идея охранения свободы брака и прочности семейных отношений*, идея, провозглашенная как противовес устоявшемуся под влиянием крепостного права старорусскому началу. Последнее выражалось в крайнем расширении родительской власти, не-свободном заключении браков и полной зависимости домочадцев от главы семьи<sup>5</sup>.

Со времени Петра I и Екатерины II государство берет эту прогрессивную идею под свою охрану, запрещает родителям и помещикам принуждение детей и крепостных к браку и поступлению в монашество, устанавливает более равноправные отношения между родителями и детьми, наказывает браки по насилью и обману, запрещает присвоение чужого имени и состояния «с учинением какого-либо вреда». Вместе с этой крупной реформой шла и другая. Отечественное законодательство всегда исходило и в конце XIX века *продолжало исходить из взгляда на брак как на институт, в основе своей имеющий религиозные начала*. Но в то время как законодательство древнерусское предоставляло дела брачные и семейные почти всецело духовной юрисдикции, государство в начале XVIII столетия берет решительный перевес в политическом отношении над церковью и принимает ее в свое ведомство, в свою опеку, как подчиненное учреж-

---

<sup>4</sup> В подтверждение, в объяснениях Редакционной комиссии вкратце разбираются соответствующие разделы германского, венгерского и голландского уголовных кодексов.

<sup>5</sup> В подкрепление этого вывода сделана ссылка, Соборное уложение – свод законов Русского царства, принятый Земским собором в 1649 г. и, с определенным изъятиями и изменениями, действовавший 1832 г. Из посягательств против семьи Соборное уложение предусматривает единственно преступления детей против родителей (гл. XXII ст. 3 – 5), запрещая вместе с тем детям обращаться в суд на родителей и предписывая виновных «за такое челобитье бити кнутомъ и отдати ихъ отцу и матери» (ст. 6). Из преступлений родителей против детей предусмотрено только лишение жизни.

дение<sup>6</sup>. С этого времени начинается решительное разграничение ведомства духовного и светской власти по делам о браках.

Итак, на рубеже XIX и XX веков Россия шла своим собственным путем в вопросах уголовно-правовой охраны семейных отношений, и этот путь исходил из прогрессивных идейных устремлений.

### **Классификация преступных деяний против прав семейственных, предусмотренных в Уложении 1903 г.**

Для систематизации посягательств на семейные права разумно взять за основу классификацию, предложенную в объяснениях Редакционной комиссии (с поправками, обусловленными расхождением проекта и окончательной редакции рассматриваемого правового акта). Эта классификация проистекает из дифференциации родового объекта посягательства на видовые и непосредственные объекты, и помогает лучше понять замысел разработчиков Уложения 1903 г.

Разработчики указывают, что семейственный союз обуславливается браком и имеет своими последствиями *права супругов* по отношению друг к другу, а также происходящие из факта рождения *права детей*, права и обязанности *детей по отношению к родителям и наоборот*, ну и, наконец, *союз родственный*. Согласно этому, классификация рассматриваемых деяний должна начинаться посягательствами, направленными против союза семейного, которые, в свою очередь, делятся:

1) на посягательства на основание семьи – брак, предполагающий свободное соглашение лиц, способных к браку; сюда относятся деяния, состоящие во вступлении в недействительные браки, по вине ли одного из брачующихся (браки по принуждению или обману) или обоих (браки незаконные), причем преступная деятельность возможна как со стороны брачующихся, так и лиц, уполномоченных государством на заключение браков и их удостоверение (ст. 408 – 417);

2) посягательства на союз супружеский, единственным представителем которых в рассматриваемой главе является прелюбодеяние (ст. 418), так как прочие случаи преступных деяний супругов по отношению друг к другу предусмотрены в других (общих) главах Уложения 1903 г.;

3) преступные деяния детей против родителей, которые не могли быть предусмотрены в других главах Уложения 1903 г., поскольку наказуемость их обусловлена единственно долгом детского почтения; таковы (ст. 419):

а) отказ в пропитании родителям;

---

<sup>6</sup> В объяснениях Редакционной комиссии этот тезис не раскрывается, но, по всей видимости, имелась в виду церковная реформа императора Петра I, в результате которой принципиально изменилась система управления Русской церковью – высшим органом ее управления стал Святейший правительствующий синод (Духовная коллегия). Члены этого органа назначались российским императором. В законодательстве XIX века, определяющем общие начала государственного строя Российской империи, было установлено, что «в управлении церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного» (ст. 43 Основных Законов и Учреждений государственных). Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 томах. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Тип. Второго отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1833. Т. 1, ч. 1. С. 17.

б) грубость против родителей;  
в) неповиновение законному запрету родителей на вступление в брак, если виновный не достиг возраста 21 года;

4) преступные деяния родителей против детей, наказуемость которых обусловлена единственно родительским долгом попечения о детях; причем к родителям приравнены и лица, их замещающие; сюда относятся (ст. 420 – 423):

а) жестокое обращение с ребенком;  
б) принуждение несовершеннолетнего к браку;  
в) обращение малолетнего к нищенству или безнравственному занятию;  
г) неосуществление надлежащего надзора за малолетним со стороны лица, на которого такой надзор возложен в установленном порядке;

5) деяния, ставящие в опасность семейное и гражданское состояние лица неисполнением обязанностей, возложенных на виновного законом в целях обеспечения правильного ведения метрических записей; сюда относятся:

а) незаявление в установленном порядке о рождении или смерти (ст. 424);

б) неисполнение или небрежное исполнение обязанностей по ведению, хранению или предоставлению метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании (ст. 425, 426).

Круг субъектов преступных деяний, указанных в п. 1 – 4 представленной выше классификации, там же и раскрыт. Субъектами преступных деяний, указанных в пп. «а» п. 5, могли быть любые лица, на которые законом возложена обязанность заявлять о рождении или смерти, а указанных в пп. «б» п. 5 – духовные лица любого вероисповедания, за исключением православного, и служащие, на которых возложены обязанности, названные в ст. 426 и 427.

### **Значительное сужение круга преступных деяний против прав семейственных по сравнению с предыдущим законодательством. Непосредственные причины сужения**

В период разработки и некоторое время после принятия Уложения 1903 г. на территории Российской империи действовал другой кодифицированный акт уголовного законодательства – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г. (далее – Уложение 1885 г.) Поэтому, чтобы лучше понять направленность и масштаб осуществленных изменений, отметить новации в части ответственности за преступные деяния против прав семейственных, целесообразно сравнить положения этих двух нормативных актов.

Как уже сказано выше, в Уложении 1903 г. статьи об ответственности за преступления против семейственных прав сгруппированы в отдельную главу, причем не имеющую более мелких делений (параграфов и пр.). А вот в Уложение 1885 г. был включен одиннадцатый раздел с соответствующим названием – «О преступлениях против прав семейственных», который составлен из четырех глав:

1. «О преступлениях против союза брачного»;
2. «О злоупотреблении власти родительской и преступлениях детей против родителей»;

3. «О преступлениях против союза родственного»;
4. «О злоупотреблении власти опекунов и попечителей».

В свою очередь, две из представленных четырех глав составлены из нескольких отделений.

В первую главу, самую крупную, включены четыре отделения: «О противозаконном вступлении в брак», «О похищении женщин замужних», «О злоупотреблении прав и нарушении обязанностей супружества», «О нарушении постановлений о браках старообрядцев и сектантов».

Во вторую главу вошли два отделения: «О злоупотреблении власти родительской», «О преступлениях детей против родителей».

В третьей и четвертой главах отделения не используются.

Нетрудно заметить, что данный порядок размещения статей в главы и отделения в сочетании с их названиями являет собой классификацию преступлений против прав семейственных, и она не требует значительных усилий для восприятия и понимания.

Всего в раздел одиннадцатый Уложения 1885 г. вошли 52 статьи (подавляющее число которых имели по несколько частей), в то время как глава 19 Уложения 1903 г., напомним, вобрала в себя 19 статей (менее половины которых имели части или пункты). Существенная разница в объеме законодательного материала, посвященного рассматриваемой теме, и в количестве статей может быть объяснена несколькими причинами, предопределяющими не только иное количество законодательного материала, но и его другое качество в новом уголовном законе.

*Первая причина* – детальность изложения, продиктованная стремлением предусмотреть все случаи и возможные проблемы правоприменительной практики и определенным образом разрешить их, а, как следствие такого подхода – громоздкость законодательного материала в Уложении 1885 г., и другой (менее казуистичный и более абстрактный) подход разработчиков Уложения 1903 г., вследствие чего последнее Уложение значительно компактнее.

Видный российский правовед А. Н. Неклюдов (при этом один из членов Редакционной комиссии), обращаясь к теме громоздкости законодательного материала в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (это, напомним, ранняя редакция Уложения 1885 г.; последнее принципиально не отличается от своей основы), объяснял обилие статей в нем следующим: «имея в виду невежество и корысть судей, составители Уложения поставили себе целью подробное исчисление мельчайших оттенков преступных деяний, дабы изъять подсудимого из судейского произвола, подчинив его судьбу явному и буквальному смыслу закона» [1, с. 274]. В свою очередь, известный российский и советский правовед М. М. Исаев, отмечая положительную роль судебной реформы 1864 г. для судебной практики, тем не менее указывал, что и после реформы «невероятная казуистичность Уложения, стремление его взвесить тяжесть преступления на немецких аптекарских весах, весь его архаизм больно отзывались», если суд происходил при отсутствии присяжных [3, с. 44].

Наряду с этим, чтобы оставаться на позиции объективности, следует заметить: детальность правового регулирования имеет и некоторые положительные стороны. Имея в своем распоряжении нормативный акт такого

рода, добросовестный, но не очень хорошо образованный правоприменитель (тем более, не имеющий в своем распоряжении обширной библиотеки и достаточного времени для работы по делу) с большей вероятностью найдет законное решение, не допустив ошибки.

Для иллюстрации нашего тезиса смоделируем ситуацию, когда в деянии усматриваются признаки деяния, запрещенного ст. 425 Уложения 1903 г. Согласно данной статьи, духовное лицо инославного христианского или нехристианского вероисповедания либо служащий, обязанные вести метрические книги или записи о рождении, смерти или бракосочетании, виновные в невнесении в них сведений, которыми обуславливаются гражданские (гражданско-правовые) последствия перечисленных событий, наказываются заключением в тюрьму. Как следует из приведенного текста, духовное лицо православного вероисповедания субъектом данного преступления не является. Нет в Уложении 1903 г. и другой статьи, предусматривающей норму, специальную по отношению к рассмотренной выше, в которой субъектом преступления было бы православное духовное лицо. В связи с изложенным, правоприменитель с указанными выше характеристиками, получив соответствующий материал, мог бы отказать в возбуждении уголовного дела и этим ограничиться. Тем самым была бы совершена юридическая ошибка, поскольку православные священнослужители в таких случаях не должны оставаться безнаказанными, они подлежали ответственности по Уставу духовных консисторий<sup>7</sup> [5, с. 79–80].

При этом в Уложение 1885 г. включена ст. 1442, в которой в качестве объективной стороны преступления описаны те же действия, что и в ст. 425 Уложения 1903 г., однако в Уложении 1885 г. прямо указано, что в случае их совершения духовные лица православного вероисповедания подвергаются наказаниям, определенным в Уставе духовных консисторий, а духовные лица других исповеданий – уголовному наказанию (строгому выговору или денежному взысканию не свыше двадцати рублей либо удалению от должности). Соответственно, вероятность принятия ошибочного решения резко снижается.

Редакционная комиссия видела главные проблемы применения действующего в то время Уложения 1885 г. в ином. Прежде всего, в том, что *в Уложении 1885 г. для разнородных понятий нередко используются одни и те же названия, а еще чаще одно и то же понятие в разных местах законодательного текста по-разному именуется, чем вводятся в заблуждение применители закона, включая высшие суды, призванные исправлять судебные ошибки*. Важно также, по мнению Редакционной комиссии, что теоретическое осмысление права в России находилось в худшем положении, чем на Западе, и, как следствие, «наша литература уголовного права,

---

<sup>7</sup> Духовная консистория – коллегиальный административный и судебный орган местного епархиального управления Русской православной церкви. Устав духовных консисторий начал действовать в 1841 г. Консистория функционировала под руководством архиерея и находилась в ведении Святейшего Синода. Особое положение в этом органе занимал секретарь. Он назначался Святейшим Синодом по представлению обер-прокурора без всякого участия местного владыки. Через секретаря обер-прокурор следил за исполнением законных постановлений по духовному ведомству на местах, а заодно и за деятельностью самого архиерея.

даже по важнейшим вопросам, представляется весьма недостаточной, не может дать практике надлежащей опоры и руководства». По этим основаниям Редакционная комиссия стремилась, во-первых, ввести в проект Уголовного уложения определение наиболее важных из употребляемых в нем терминов, а, во-вторых, сохранить в уголовном законе определения некоторых условий признания деяний преступными, которые не упоминаются в новых западных кодексах, а предоставлены для истолкования науке и практике [13, с. 4].

*Вторая причина* – полная или частичная декриминализация многих деяний и удаление соответствующих уголовно-правовых запретов из законодательства.

В качестве примеров полной декриминализации деяния можно сослаться на следующие:

- согласно ст. 1577 Уложения 1885 г. подлежали наказанию священники и проповедники христианских вероисповеданий за совершение брака без соблюдения «предостерегательных правил», если на это не было получено специальное разрешение; в Уложении 1903 г. такого запрета нет;

- согласно ст. 1570 Уложения 1885 г. помимо церковного наказания подлежали уголовному наказанию за вступление в новый брак прежде истечения установленных в законе сроков вдовы и вдовы, исповедующие евангелическо-лютеранскую веру, а также супруги, чей брак был признан недействительным; в Уложении 1903 г. такого запрета нет;

- согласно ч. 2 ст. 1549 Уложения 1885 г. в случае похищения незамужней женщины для вступления с нею в брак по жалобе родителей или опекунов к ответственности привлекался не только похититель, но и увезенная им женщина, если похищение выполнялось с ее согласия. По Уложению 1903 г. описанное деяние незамужней женщины ненаказуемо, независимо от ее возраста<sup>8</sup>.

*Третья причина* – частичная декриминализация ряда деяний или смягчение ответственности за них (путем упразднения квалифицированных составов), при которой текст новых статей становился лаконичнее их предшественников; лаконичнее в том числе и по тому, что новые статьи, в основном, состояли не из нескольких частей, а лишь из одной.

В качестве примера частичной декриминализации можно сослаться на изменение пределов ответственности за нарушение ограничений по возрасту при вступлении в брак. Согласно ст. 1563 Уложения 1885 г. наказуемым было вступление в брак раньше или *позднее* возраста, определенного церковными либо государственными законами. При этом наказанию подлежали оба брачующихся. По Уложению 1903 г. этот запрет был сохранен лишь для лица, достигшего брачного совершеннолетия, виновного во вступлении в брак с лицом, не достигшим брачного совершеннолетия

---

<sup>8</sup> При этом для полноты картины полезно заметить, что если женщина достигла возраста брачного совершеннолетия, но при этом ее возраст моложе двадцати одного года (возраста полного совершеннолетия), то в такой ситуации в случае последующего вступления в брак она подлежала ответственности в соответствии с п. 3 ст. 419 Уложения 1903 г. за другое преступление – вступление в брак вопреки решительному воспрещению матери или законного отца.

(ст. 414). Запрет для вступления в брак лицами преклонного возраста в Уложении 1903 г. не предусматривался. Таким образом, был ограничен круг уголовно-наказуемых действий и круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за эти действия.

*Четвертая причина* – перемещение некоторых уголовно-правовых запретов в другие главы уголовно-правового акта или упразднение специальной нормы с сохранением при этом общей нормы либо включением в уголовное законодательство новой нормы, которая является общей по отношению к упраздненной. Такие изменения обусловлены тем, что у многообъектных преступлений в качестве основного объекта посягательства законодателем в новом законе признается другое защищаемое благо.

В качестве иллюстрации изменения места уголовно-правового запрета в системе уголовного законодательства можно сослаться на ст. 1549 из раздела «О преступлениях против прав семейственных» Уложения 1885 г., предусматривавшую ответственность за похищение незамужней женщины для вступления с нею в брак против ее воли. Аналогичное преступление не описывается в 19 главе «О преступных деяниях против прав семейственных» Уложения 1903 г., вместе с тем деяние не декриминализировано, его описание присутствует в ст. 506, размещенной в главе 26 «О преступных деяниях против личной свободы».

*Пятая причина* – обобщение ряда уголовно-правовых запретов, включение в законодательство вместо нескольких статей, предусматривающих ответственность за преступления против семейственных прав, одной статьи, закрепляющей новую норму – общую, по отношениям к упраздненным специальным нормам.

В качестве примера последних сошлемся на включенные в Уложение 1885 г. запреты для вступления в брак в сходных случаях для представителей трех направлений христианства. Было наказуемо для православных вступление в брак с нехристианами (ст. 1564), для лиц римско-католического вероисповедания – вступление в брак с нехристианами, а для лиц евангелическо-лютеранского вероисповедания – вступление в брак с магометанами, евреями и язычниками (ст. 1568). В Уложение 1903 г. содержится одна короткая статья, в соответствии с которой любое «лицо христианского вероисповедания виновное во вступлении, вопреки закону, в брак заведомо с нехристианином» подлежало наказанию. Таким образом, в приведенном примере были не только упразднены специальные нормы, на смену которым пришла одна общая норма, но заполнены пробелы в уголовно-правовых запретах<sup>9</sup> и уравнены перед законом лица разных направлений христианства<sup>10</sup>.

---

<sup>9</sup> Как известно, протестантизм не имел (и не имеет) единой церкви. К этому направлению христианства, помимо лютеранства, относятся англиканство, кальвинизм и др., представители которых в Уложении 1885 г. не упоминаются, и можно сделать вывод, что к лицам, принадлежащим к этим конфессиям, запрет на вступление в брак с нехристианами не относился.

<sup>10</sup> В Уложении 1885 г. за нарушение запрета, сформулированного в ст. 1564, было предусмотрено более строгое наказание, нежели за нарушение аналогичного запрета, закрепленного в ст. 1568.

### **Общий объект преступного посягательства в представлении разработчиков Уложения 1903 г. и родовой объект при посягательствах на семейственные права**

Под объектом любого преступного деяния (то есть под общим объектом, если пользоваться современной терминологией) разработчики Уложения 1903 г. понимали «интерес или благо, охраняемое выраженной в законе нормою, на которую посягает преступник» [14, с. 7]. Такое представление сформировалось, вероятно, под влиянием идей Н. С. Таганцева (члена Редакционной комиссии), который в одной из своих работ писал: «то положительное, в чем выражается право, – есть интерес, взятый под его защиту; норма права, как реальный элемент общественной жизни, есть охраняемый интерес; на этот интерес и направляет свою деятельность лицо, переступающее веления юридических норм. Этот интерес может входить в юридическую сферу определенного субъекта, и тогда посягательство на интерес будет и посягательством на субъективное право, или же известный интерес охраняется правом, как общественное достояние, или благо, независимо от принадлежности его тому или другому субъекту» [11, с. 40].

В свою очередь, воззрения Таганцева, по всей видимости, сформировались под влиянием немецких правоведов. В частности, он признавал справедливость позиции Гельштанера, который конкретное правовое благо считал лишь непосредственным объектом посягательства и указывал, что сущность преступления не исчерпывается повреждением, причиняемым конкретному благу; его истинное значение заключается в том противодействии, которое через это оказывается господству права в государстве. Поэтому конечным юридическим объектом, на который посягает преступник, всегда является само государство [11, с. 40].

Охрана семьи, считали разработчики Уложения 1903 г., необходима во имя общественных интересов, в виду которых *посягательства на семейный союз принадлежат к группе посягательств против условий общежития*. При этом главная задача законодательства, по мысли разработчиков, состоит в ограждении не какого-либо отдельного частного блага того или иного лица, а блага общественного, сводящегося к известным *этическим началам*, подлежащим защите государства как необходимое основание прочности и непоколебимости семейного существования и семейного положения вообще [15, с. 157]. Ну а в качестве этических начал традиционно при конструировании уголовно-правовых норм выступали религиозные каноны и правила (см. ст.ст. 415, 418 Уложения 1903 г.). Соответственно, в качестве дополнительного объекта защиты в этих случаях выступали религиозные интересы.

В какой мере религиозные интересы проявили себя в конструкциях норм, закрепленных в 19 главе Уложения 1903 г.? Все познается в сравнении, поэтому полезно еще раз сопоставить Уложение 1885 г. и Уложение 1903 г., но уже под новым углом зрения.

### **Религиозно-нравственные начала как дополнительный объект при посягательствах на семейственные права**

В ряде статей Уложения 1885 г. вопросы семейных отношений непосредственно или опосредованно увязаны с соблюдением религиозных канонов: запреты на вступление в брак лицам иных вероисповеданий, запре-

ты кровосмесительных браков, запреты на вступление в брак с неблизкими родственниками, запреты прелюбодеяний и др. Причем в отдельных случаях религиозный интерес, формально являясь дополнительным объектом защиты, фактически оказывается основным – например, при запрете православному на вступление в четвертый брак. Также надо отметить, что особое внимание в Уложении 1885 г. уделено обеспечению запретов в области семейных отношений, принятых в православии. Это проявилось в нескольких формах.

*Во-первых*, в том, что защищались специальные правила, установленные в православии. Так, лица православного исповедания за вступление в четвертый брак привлекались к уголовной ответственности по ст. 1564, а лица иного исповедания уголовной ответственности не подлежали, независимо от того, каким по счету был их очередной брак – при соблюдении условия, что предыдущий брак прекращен и выдержан необходимый срок после него (в противном случае могла наступать ответственность за иные преступления – см., напр., ст. 1554, 1555, 1558).

Данный уголовно-правовой запрет проистекал из православного канона. Русская православная церковь охотно благословляла первый брак. Второй – снисходительно разрешала при наличии веских причин. Третий – осуждала, но допускала «по нужде». Четвертый считала невозможным ни при каких обстоятельствах. Впервые четкое нормирование допустимого количества браков для православных христиан было зафиксировано в Стоглаве 1551 г.: «Четвертый бо бракъ законні и правила възбраняють; блудѣйбовѣ себѣдиноу неправду сіюимѣ етъ, а иже четвертаго брака яко рекшесебѣ смесиль, поругаетѣ убоимѣ, възбраняющимѣ Божественнымъ священнымъ правиломъ, онѣ убо иже разрушають Божественныхъ и священныхъ правилъ, каковое имѣть благочестіе, какова отвѣтаждеть на страшномъ Судѣ. Той убо самѣ себѣ отлучай отъ славы Божіей» (гл. 23). Указанный памятник отечественного права представляет собой сборник решений Стоглавого собора 1551 г. Русской церкви; такое название («Стоглавый») данный акт получил потому, что первоначально состоял из 100 глав. Помимо прочих задач, он был направлен на унификацию церковных правил, обрядов, служб, а также разъяснял соотношение церковного и уголовного права, и др.<sup>11</sup> Здесь для полноты картины полезно упомянуть, что в католицизме существовали и существуют более строгие подходы к возможности развода и вступления в новый брак (формально, новый брак при живом супруге, с которым заключен первый брак, вообще не допускался<sup>12</sup> и не допускается) [8], однако католики по Уложению

---

<sup>11</sup> Полный текст нормативного акта см.: Стоглав // Российское законодательство X – XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. М.: Юрид. лит.-ра, 1985. С. 241 – 439.

<sup>12</sup> Между 1545 и 1563 гг. (то есть в тот же период, когда проходил Стоглавый собор) в Тренто (ныне это север Италии) состоялся так называемый Тридентский собор – 19-й вселенский собор католической церкви. Решением данного Собора в случае развода потерпевшей стороне было отказано в праве на повторный брак, если другая сторона была жива. При этом безбрачное сожитие осуждалось. См.: Трентский совет [Электронный ресурс] // Альфапедия. URL: [https://alphapedia.ru/w/Council\\_of\\_Trent](https://alphapedia.ru/w/Council_of_Trent) (дата обращения: 09.02.2023).

1885 г. за вступление в новый брак после расторжения предыдущего не наказывались, каким бы ни был по счету очередной брак (если только речь не идет о вступлении в новый брак без расторжения предыдущего, то есть о многоженстве или многомужестве).

*Во-вторых*, в том, что в некоторых случаях за аналогичные нарушения для православных было установлено более строгое наказание, нежели для представителей иных религий. Так, лицам православного исповедания за вступление в брак с нехристианами грозило в качестве наказания заключение в тюрьму на четыре месяца (ст. 1564), в то время как лицам римско-католического исповедания за такое же деяние – заключение в тюрьму лишь на два месяца и двадцать дней (ст. 1568). Также лица, исповедующие православие, наказывались за кровосмешение не только с родственниками по боковой линии до четвертой степени родства, но и со свойственниками; при этом лица, принадлежащие к другим христианским исповеданиям, наказывались лишь за кровосмешение до второй степени родства (ст. 1594).

*В-третьих*, в том, что за некоторые преступления против семейственных прав священники православной церкви предавались церковному суду и на них налагалось наказание, предусмотренное в Уставе духовных консисторий, в то время как священники других церквей за аналогичные преступления несли ответственность перед светским судом и наказывались по Уложению 1885 г. Среди этих преступлений – совершение бракосочетания лица или лиц, уже состоящих в брачном союзе (ст. 1557), сочетание браком лиц, не достигших или превысивших установленного законом возраста, а также при недопустимой степени родства брачующихся (ст. 1574).

Такой порядок можно обосновать формально-юридически. В раздел I «О Священных правах и преимуществах Верховной Самодержавной Власти» Основных законов и учреждений государственных Российской империи была включена ст. 40 следующего содержания: «Первенствующая и господствующая в Российской Империи Вера есть Православная Восточная Грекороссийская»<sup>13</sup>.

Наряду с этим объяснение принятому порядку можно найти в идеологической формуле, выдвинутой президентом Петербургской академии наук (с 1818 г.) и министром народного просвещения Российской империи (с 1833 г.) графом С. С. Уваровым: «Православие – Самодержавие – Народность». Эта формула предполагала особый путь России. Задача, которую выдвигал министр, заключалась в том, чтобы «...укрепить любезное Отечество на верном якорю, на твердых основаниях спасительного начала... Образование настоящего и будущих поколений в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности составляет <...> одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени» [12, с. 72].

Вместе с тем следует заметить, что по Уложению 1885 г. в некоторых случаях при совершении аналогичных деяний различалась ответствен-

---

<sup>13</sup> Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 томах. 2-е изд. Санкт-Петербург: Тип. Второго отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1833. Т. 1, ч. 1. С. 16.

ность христиан и лиц нехристианской веры. Так, христиане за вступление в новый брак при существовании прежнего привлекались к ответственности по ст. 1554, им грозила отдача в исправительные арестантские отделения (ч. 1), а при наличии квалифицирующих обстоятельств и более строгие наказания (ч. 2 и 3). Лица же иной веры при совершении такого же деяния привлекались к ответственности по ст. 1558, им грозило заключение в тюрьму, квалифицированные составы в ст. 1558 не предусматривались.

Разработчики проекта Уложения 1903 г. поясняли, что по вопросу ответственности за посягательства на религиозные ценности *стремились придерживаться воззрений действующего тогда законодательства, то есть Уложения 1885 г.* Ими указывалось, что «религия и церковь являются одним из важнейших, основных, государственных и общественных устоев, охрана которого от злоумышленных на оный посягательств должна быть признана одной из наиболее важных задач карательной деятельности. Особенно же важно в России, где начала христианской веры и православная церковь, представляясь соединительным звеном, сплавляющим воедино ее многочисленное и разнообразное население, придали нашему отечеству ту мощь, в силу которой оно занимает столь выдающееся в среде современных государств положение» [15, с. 50]. Это объяснение относилось к тем деяниям, которые в качестве основного объекта посягательства имели религию и церковь – «посягательства на ограждающие веру законы».

При всем том, если задаться вопросом, в какой мере нормы об ответственности за преступные деяния против прав семейственных основывались на религиозных ценностях и защищали православие, и под этим углом зрения сравнить два упомянутых уложения, проступит их существенное отличие.

В 19 главе Уложения 1903 г. православные верующие полностью уравниваются с христианами иных конфессий. Применительно к верующим законодатель вообще не использует термин «православные» или его синонимы. Фигурирует лишь более общее выражение – «лицо христианского вероисповедания». Причем оно используется лишь единожды, в ст. 415, где христианам запрещается вступление в брак с нехристианами. Во всех иных случаях ответственность брачующихся, членов семьи и приравненных к ним лиц не зависит от вероисповедания.

Характерно, что в Уложении 1903 г. не употребляется термин «атеист» или его синонимы («неверующий», «безбожник» и пр.). Между тем в правоприменительной практике мог бы возникнуть вопрос: атеист является нехристианином? Если да, то при вступлении с ним в брак христианин должен нести ответственность по упомянутой выше ст. 415. Если же термин «нехристианин» охватывает круг лиц иной веры, помимо христианской, то ответственность исключается. Однако законодатель в рассматриваемой главе (да и во всем правовом акте) выстраивает нормативные предписания так, словно лиц, не принимающих религию, не существует, хотя это, очевидно, не соответствовало действительности. Почему разработчики Уложения 1903 г. и законодатель заняли такую позицию? Возможно, для того, чтобы не поощрять отсутствие религиозности. А еще, вероятно, потому, что любой человек по факту рождения или в силу обря-

да, проведенного над ним родителями в младенчестве, принадлежал тогда к какой-либо конфессии. Важен был этот формальный статус, а не внутренние убеждения и представления, которые изменчивы, и которые сложно проверить. Существовала признаваемая правом процедура смены вероисповедания (принятие нового), но не было процедуры отказа от любой веры.

Подытоживая сказанное, приходим к выводу, что описанные в Уложении 1903 г. преступные деяния против семейственных прав заметно реже имели в качестве дополнительного объекта религиозные ценности по сравнению с Уложением 1885 г. Различие ответственности при посягательствах на семейственные права в зависимости от вероисповедания в новом уложении сведено к минимуму, хотя и полностью не устранено. Корпус новых норм, в основном, приобрел светский вид. Духовные лица неоднократно указываются в качестве субъектов определенных преступлений, но это предопределено значительной ролью этой категории лиц в регистрации юридических фактов – заключения брака, рождения и смерти людей. При этом для духовных лиц предусмотрена та же ответственность, что и для служащих, выполняющих аналогичные функции (ст. 413, 425, 426). В некоторых случаях исключение, по-прежнему, сделано для духовных лиц православного вероисповедания – при нарушениях правил записи актов гражданского состояния, их хранения и т.д. они не подлежат уголовной ответственности, а предаются церковному суду [2]. Разработчики проекта Уложения 1903 г. объяснили это различие следующим. Признаваемый государством объем духовной юрисдикции не одинаков для различных исповеданий, и наличие уголовной ответственности уравнивает эти различия. В то же время в Уставе духовных консисторий для духовных лиц православного вероисповедания предусмотрен достаточный объем ответственности [15, с. 163–164].

Тем не менее, в главе 19 Уложения 1903 г. определенные религиозно-нравственные начала (как и в предшествующем законодательстве) были положены в основу уголовно-правовых запретов, и, следовательно, выступали дополнительным объектом посягательства при совершении семейственных преступлений. Это единобрачие, запрещение прелюбодения и кровосмесительных браков, недопущение браков по принуждению и обману. Причем все перечисленное относится к христианским, православным принципам, по мнению разработчиков Уложения 1903 г., «в высшей степени важным для общежития». Однако для современных читателей религиозное происхождение не столь очевидно, как для наших предков, в школьную программу которых «Закон Божий» входил в качестве обязательного предмета изучения.

### **Заключение**

В силу ряда внешних и внутренних причин в последние годы со стороны государства и общества большое внимание уделяется сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа и, в частности, семьи, семейных ценностей. В 2020 г. в Конституцию РФ внесена поправка (одобренная на всенародном голосо-

нии), в соответствии с которой подлежит защите семья, материнство, отцовство, а также институт брака, как союз мужчины и женщины, что закрепляет традиционное представление о браке (пункт ж.1, ч. 1, ст. 72). В Стратегии национальной безопасности России ситуация в стране и мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П, указал, что по смыслу ст. 38 (ч. 1) Конституции РФ, семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа нашей страны, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства. На такую защиту направлен и Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809, которым утверждены *Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей*, а также Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». В последнем постановлено, что в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей в 2024 г. в стране будет проводиться Год семьи.

Автор надеется, что материал настоящей работы поможет всем заинтересованным лицам лучше понять, в чем состояли семейные ценности по представлению наших предков, а также будет способствовать нахождению оптимальной модели уголовно-правовой охраны семейных ценностей. При разрешении вопроса о том, каким должно быть новое законодательное регулирование, изучение прошлых эпох дает незаменимое руководство векового опыта поколений, отметил в свое время выдающийся русский правовед, государственный и общественный деятель Н. Д. Сергеевский. Для понимания, оценки и критики уголовного закона необходимо знать его историю; в противном случае все наши суждения лишены будут прочного основания [10, с. 8].

#### Список литературы

1. **Бернер А. Ф.; Прим.: Неклюдов Н.** Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1. СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 940 с.
2. **Вишневский А. А.** Расторжение брака в каноническом праве: формальный запрет при сущностном допущении // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 112 – 119.
3. **Исаев М. М.** Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. Ленинград: Гос. изд-во, 1925. 199 с.
4. **Колоколов Г. Е.** Новое уголовное уложение: толкование и критический разбор: составлено по лекциям, читанным в 1903/04 академическом году. М.: Типо-лит. Ю. Венер преemn. О. Фальк, 1904. 44 с.
5. **Минеева Т. Г., Романовская В. Б., Савченко И. В.** Церковное судопроизводство в Российской империи: монография. Чебоксары: Среда, 2020. 104 с.
6. **Пушкаренко А. А.** Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / Российское законодательство X – XX веков. М.: Юрид. лит-ра, 1994. Т. 9. С. 240 – 271.

7. **Салманова Г. Д.** Каноническое право // Системные технологии. 2013. № 1(6). С. 113 – 117.
8. **Сверчков В. В.** Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания): юридическая природа и проблема применения // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 259 – 266.
9. **Сергеевский Н. Д.** Русское уголовное право. Часть общая: Пособие к лекциям. Санкт-Петербург, 1887. 434 с.
10. **Сергеевский Н. Д.** Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. 9-е изд. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 397 с.
11. **Таганцев Н. С.** Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н. С. Таганцевым, доктором уголовного права, ординарным профессором Императорского Училища правоведения, почетным членом университетов С.-Петербургского и св. Владимира. Часть общая. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1887. 380 с.
12. **Уваров С. С.** О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения // Река времен. Кн. 1. М.: Река времен – Эллис Лак, 1995. С. 70 – 72.
13. **Уголовное уложение.** Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1895. Т. 1, Гл. 1. 639 с.
14. **Уголовное уложение.** Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1895. Т. 2, Гл. 2 – 7. 582 с.
15. **Уголовное уложение.** Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1895. Т. 4, Гл. 17–18. 243 с.
16. **Юдина А. В.** Объекты, цели и уровни сравнительно-правовых исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. № 1. С. 129 – 134.

### References

1. **Berner A.F.; Prim.: Neklyudov N.** *Uchebnik ugodovnoo prava: Chast' obshchaya. Chasti obshchaya i osobennaya: s primechaniyami, prilozheniyami i dopolnениyami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu. T.1* [Textbook of Criminal law: General part. Parts general and special: With notes, appendices and additions on the history of Russian law and positive legislation. Vol. 1], Saint-Petersburg: Tip. N. Tiblena i komp, 1865, 940 p. (In Russ.)
2. **Vishnevskij A.A.** [Dissolution of marriage in Canon law: a formal prohibition with an essential assumption], *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Right. Journal of the Higher School of Economics], 2011, no. 1, pp. 112-119 (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Isaev M.M.** *Obshchaya chast' ugodovnoo prava R.S.F.S.R.* [The general part of the criminal law of the RSFSR], Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925, 199 p. (In Russ.)
4. **Kolokolov G.E.** *Novoe ugodovnoe ulozhenie: tolkovanie i kriticheskij razbor* [New criminal code: Interpretation and critical analysis], Moscow: Typolithography of U. Vener successor of O. Falk, 1904, 44 p. (In Russ.)
5. **Mineeva T.G., Romanovskaya V.B., Savchenko I.V.** *Cerkovnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj imperii: monografiya* [Ecclesiastical Legal Proceedings in the Russian Empire: monograph], Cheboksary: Sreda, 2020, 104 p. (In Russ.)
6. **Pushkarenko A.A.** *Ugodovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g.* [Criminal Code of March 22, 1903]. In: *Russian legislation of the X – XX centuries*, vol. 9, Moscow: Yuridicheskaya literature, 1994, pp. 248-249 (In Russ.)
7. **Salmanova G.D.** [Canon Law], *Sistemnye tekhnologii* [System technologies], 2013, no. 1(6), pp. 113-117 (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Sverchkov V.V.** [Notes to articles of the Criminal Code of the Russian Federation on exemption from criminal liability (punishment): legal nature and the problem of application], *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Current problems of economics and law], 2013, no. 4, pp. 259-266. (In Russ., abstract in Eng.)

9. **Sergeevskij N.D.** *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya: Posobie k lekciyam* [Russian criminal law. General part: Manual for lectures], Sankt-Peterburg, 1887, 434 p. (In Russ.)

10. **Sergeevskij N.D.** *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya: Posobie k lekciyam, 9-e izdanie* [Russian criminal law. General part: Manual for lectures, 9th edition], Sankt-Peterburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1911, 397 p. (In Russ.)

11. **Tagancev N.S.** *Lekcii po russkomu ugovnomu pravu* [Lectures on Russian criminal law. The general part], Saint-Petersburg: Gos. tip., 1887, 380 p. (In Russ.)

12. **Uvarov S.S.** [About some general principles that can serve as a guide in the management of the Ministry of Public Education]. In: *Reka vremen* [The River of Times]. Book 1, Moscow: Reka vremen, 1995, p. 70-72 (In Russ.)

13. **Ugolovnoe ulozhenie.** *Ob'yasneniya k proektu Redakcionnoj komissii* [Criminal Code. Explanations to the draft of the Editorial Commission], Sankt-Peterburg: Gos. tip. 1895, vol. 1, part 1, 639 p. (In Russ.)

14. **Ugolovnoe ulozhenie.** *Ob'yasneniya k proektu Redakcionnoj komissii* [Criminal Code. Explanations to the draft of the Editorial Commission], Sankt-Petersburg: Gos. tip., 1895, vol. 2, part 2-7, 582 p. (In Russ.)

15. **Ugolovnoe ulozhenie.** *Ob'yasneniya k proektu Redakcionnoj komissii* [Criminal Code. Explanations to the draft of the Editorial Commission], Sankt-Petersburg: Gos. tip., 1895, vol. 4, part 17-18, 243 p. (In Russ.)

16. **Yudina A.V.** [Objects, goals and levels of comparative legal research], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia], 2014, no. 1, pp. 129-134 (In Russ.)

**Protection of Family Rights in the Criminal Code  
of the Russian Empire of 1903 and the Code on Criminal  
and Correctional Punishments:  
A Comparative Analysis of the Established Prohibitions**

**P. A. Skoblikov, Dr. Sci. (Law),**

*Leading Research Fellow of the Criminal Law, Criminal Procedure  
and Criminology Department, Institute of State and Law  
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;  
skoblikov@list.ru*

*The paper presents an overview and features of criminal acts against family rights provided for in the Criminal Code of the Russian Empire of 1903. A classification of these acts is proposed. The conceptual differences between Western European and Russian approaches to the definition of torts in the field of family relations in the 18th and 19th centuries are noted. The conclusion is made about a significant narrowing of the range of criminal acts defined in the Criminal Code of 1903, compared with the Code on Punishments of Criminal and Correctional in the wording that was in force at the time of the adoption of the Criminal Code of 1903. The immediate causes of this narrowing are shown and systematized. The general object of criminal encroachment in the view of the developers of the Criminal Code of 1903 and the generic object in cases of encroachments on family rights are disclosed.*

*The conclusion is substantiated that in the considered encroachments, religious and moral principles in some cases acted as an additional object of protection in the Criminal Code of 1903 and in many cases they were such an object in the previous Code. In addition, it is indicated that the differences in the responsibility of Orthodox and non-Orthodox have been erased in this Criminal Code and the differences in the responsibility of Christians and persons of other faith have been smoothed out.*

**Keywords:** marriage; additional object of criminal encroachment; Criminal Code of the Russian Empire of 1903; Code of Criminal and Correctional Punishments; general object of criminal encroachment; children's rights; parents' rights; spouses' rights; criminal acts against family rights; religious and moral principles; generic object of criminal encroachment; family.

© П. А. Скобликов, 2024

*Статья поступила в редакцию 10.01.2024*

При цитировании использовать:

**Скобликов П. А.** Охрана прав семейственных в Уголовном уложении и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных: сравнительный анализ установленных запретов // *Право: история и современность*. 2024. Т. 8, № 1. С. 19 – 40. doi: 10.17277/pravo.2024.01.pp.019-040